

Кто позволил вам раскопать могилу Группы Чэн?! Это же ее личные вещи. Увидев тот самый, до боли знакомый ларец, старик Лю уже не мог сохранять прежнее безмятежное выражение лица — его сменил гнев.

Это я разрешила.

Из толпы неторопливо вышла пожилая женщина, за руку она вела ребенка.

Это вы, директор Чэнь. Увидев Чэнь Инь, которая должна была находиться на работе в детском доме «Красное сердце», внезапно появившуюся здесь, Дядюшка Хэ крайне удивился.

Одной рукой Чэнь Инь держала за руку девочку лет семи-восьми, а другую засунула в карман пальто. Она холодно обвела взглядом членов труппы Хунмин, после чего перевела глаза на пылающего гневом старика Лю.

Директор Чэнь, Глава труппы Чэн скончалась уже столько времени назад, чего вы добиваетесь? Зачем позволили им осквернить ее покой? — Старик Лю от избытка чувств зашелся в непрекращающемся кашле.

Заметив, что старик Лю никак не может откашляться, Чэнь Инь немного смягчила тон:

Старик Лю, меня до сих пор не отпускает смерть Нин Сюэ. Такой сильный и ответственный человек вдруг сошел с ума... Не рассказывайте мне про призраков и божеств — я в них не верю. А те, кто заявляет, будто все беды в труппе Хунмин происходят из-за того, что душа Нин Сюэ не обрела покоя, несут полнейшую чушь.

А где Сюй Хуэй? — с мрачным выражением лица Чэнь Инь принялась глазами искать в толпе нужного человека.

При одном только имени Сюй Хуэя все вокруг умолкли. Глядя на их молчание, Чэнь Инь смутно догадалась о чем-то.

Сюй Хуэй убит. — Чу Сыфэн ответил за всех, объяснив, что стало с Сюй Хуэем.

Мертв? Как погиб? — спросила Чэнь Инь.

Чу Сыфэн окинул взглядом окружающих:

Он поплатился жизнью за собственные скотские поступки.

Цзиньцзинь вдруг что-то вспомнила и, испуганно прикрыв рот ладонью, ахнула:

А почему Сяо Цай до сих пор не вернулась? Неужели...

Прошу прощения, старик Лю, но вам придется проехать с нами. Директор Чэнь тоже составит нам компанию.

Стоявшая рядом с Чэнь Инь девочка наивно подняла голову и, слегка подергав приемную мать за руку, спросила:

Мама Чэнь, куда мы идем?

Чэнь Инь присела на корточки, озарила лицо мягкой улыбкой и погладила девочку по щеке:

Не бойся. Вот закончу с делами, мама Чэнь сразу отведет тебя домой.

Хотя малышка ничего не понимала, она послушно кивнула на слова Чэнь Инь.

Старика Лю уже собирались увезти. Цзиньцзинь попыталась броситься вперед, но Дама Треф преградила ей путь:

Сяо Цзинь, пришло время положить конец проклятию труппы Хунмин.

Цзиньцзинь растерянно посмотрела на Даму Треф, Червового Короля и остальных:

Что здесь вообще происходит? Куда вы все уходили спозаранку? Почему личные вещи Главы труппы Чэн оказались у вас? Вы что, и правда вскрыли ее могилу?

Червовый Король шагнул вперед и посмотрел на девушку, которая была даже моложе него самого. За последние дни ей выпало столько испытаний, что она растерялась и опечалилась, а в ее глазах постепенно угасали девичья наивность и романтичность. Он вздохнул:

Сяо Цзинь, Глава труппы Чэн не кончала жизнь самоубийством. Среди ее вещей хранится важнейшая улика — она и обнажит всю мерзость совершенных преступлений.

Труппа Хунмин в одночасье лишилась множества участников: ее оплот рухнул, а старейшины, способные удержать порядок, были задержаны военными. Буря обрушилась на юную девушку, которая прежде знала лишь радость под крылом труппы.

Чу Сыфэн вернулся в Полицейское управление, привезши с собой все важные улики и задержанных.

С чего это адъютант Чу притащил обратно столько народу?

Говорят, дело трупы Хунмин престранное. До этого четверо погибли, теперь еще двое. Похоже, в замешано немало людей.

А эта девчонка по имени Сяо Цай — такая жалость. Совсем молодая, а этот руководитель трупы Сюй ей всю жизнь испортил. Целых три года! На ее месте я бы, пожалуй, тоже не смогла столько терпеть.

Тс-с, помолчи.

Адъютант Чу, вам письмо. — Молодой констебль вошел с конвертом в допросную и лично передал его Чу Сыфэну, который как раз готовился приступить к допросу.

Чу Сыфэн взял конверт. На обложке не было ни адреса, ни имени — только два слова: адъютант Чу. Развернув бумагу, он обнаружил внутри листок всего с двумя абзацами текста.

[Четвертая наложница Нин Сысюэ — сирота из детского дома «Красное сердце». Какое-то время в детском доме ее учили петь, и у нее был прекрасный голос.]

Ниже лежал еще один сложенный вдвое лист бумаги.

Чу Сыфэн убрал нижний листок.

Он взял стоящую на столе пепельницу, зажег зажигалку, и языки пламени жадно охватили письмо. Пляшущие искры отражались в его глазах, а на суровом лице не дрогнул ни один мускул.

Адъютант Чу, мы нашли его. — В допросную быстрым шагом вошел военный врач в белом халате и медицинских перчатках, держа в руках пожелтевший от времени исписанный листок, пролежавший в земле долгие годы. В его голосе слышалось легкое волнение.

Чу Сыфэн достал из кармана перчатки, натянул их и принял протянутую бумагу. Читая исписанный от края до края лист слово за словом, он ощутил, как глубоко потрясена его душа.

Это было дело об изнасиловании и убийстве. Никакого безумия, никакого самосожжения! Все это чистейшая ложь!

Какой же грязной должна быть душа у тех, кто совершил это преступление? Они — не более чем злобные, отвратительные звери.

Сколько же невыносимого унижения перенесла эта несчастная женщина, раз за разом падая в темную бездну. Превозмогая чудовищную боль, она записала все, чему подверглась. Быть может, от переполнявших ее мук написанные строки источали жгучую ненависть и скорбь, и

каждое слово, словно демон, пожирало ее изнутри.

подавив рвущийся наружу порыв, Чу Сыфэн взял себя в руки — ему предстояло вершить последний суд человечности.

Приведите старика Лю.

Есть.

Спустя некоторое время старика Лю, опирающегося на трость и затягивающегося трубкой, ввели в комнату под руки. Переступив порог, он сразу понял: суд, которого он так страшился, наконец свершился.

Адъютант Чу, спасибо вам. — едва опустившись на стул, старик Лю произнес эти слова.

Не дожидаясь вопросов Чу Сыфэна, он бросил на пол трость. Его сморщенная рука, державшая курительную трубку, мелко дрожала. Старик заговорил медленно:

Я... был свидетелем этого грязного злодеяния, но я и сам преступник.

Глава труппы Чэн погибла от рук нас, этих людей.

Мутные глаза старика Лю наполнились слезами. От внутренней муки и терзаний голос его срывался. Он зажмурился, глубоко вздохнул и начал рассказывать все, что ему было известно:

Двадцать лет назад, когда мне исполнилось тридцать пять, старейшина Нин ушел из жизни, и руководство труппой Хунмин перешло к вернувшейся из-за границы Главе труппы Чэн. Сюй Хуэй же был помолвлен с ней с детских лет по обету, данному некогда стариком Чэном и его другом. Сюй Хуэй влюбился в нее с первого взгляда, постоянно увивался за ней и всячески выказывал знаки внимания. Даже многие из наших мужчин теряли голову от талантливой Главы труппы. Но она жила исключительно труппой Хунмин, сочиняла одну прекрасную историю за другой и ставила Сюй Хуэя и прочих ни во что. Меня... эту девушку тоже очаровала, но я прекрасно понимал, что гожусь ей в отцы, поэтому неизменно заботился о ней лишь как старший наставник.

Пока однажды я случайно не стал свидетелем ссоры между Главой труппы Чэн и Сюй Хуэем.

Они ругались очень ожесточенно.

[Разве ты человек?! Она же совсем ребенок, Сюй Хуэй, ты просто животное!]

[Если бы ты не отказывала мне раз за разом, дошло бы до такого? Я люблю тебя, я схожу по тебе с ума! Ее черты лица так похожи на твои, я безумно люблю тебя! Люблю так сильно, что каждую ночь фантазирую о тебе! А ты? Ты заявляешь, что я, Сюй Хуэй, недостойн тебя! Какая же ты гордая недотрога, подумать только — отучилась за границей, и всё тут! Все мужчины только и делают, что пялятся на тебя! Кстати, а А Ци, Шунь Цзы, Цянь Эр и Ли Юань? Ты разве не знаешь? Они подбираются к тебе самыми изощренными способами, ласкают твое исподнее, чтобы утешить себя. А ты? Ни капли сопротивления, ни малейшего отвращения!]

[Замолчи! Сюй Хуэй, вы сошли с ума, вы все рехнулись! Пошли вон, вон отсюда!]

Услышав это, я испытал сильнейший шок. Но прежде чем я успел что-либо предпринять, этот негодяй Сюй Хуэй... он вместе с той шайкой подонков ворвался в комнату Главы труппы.

Сюй Хуэй потерял рассудок, они подсыпали ей наркотик в еду. Я толкнул дверь, намереваясь остановить это беззаконие, но я... я не смог.

Чу Сыфэн сжал кулаки:

Что ты сделал?

Тело старика Лю затряслось, задрожали и руки:

Сюй Хуэй... подсыпал наркотик и мне. Они хотели затянуть в эту бездну и меня тоже.

Я был бессилен... Я ничего не мог поделать.

Значит, ты потакал своим желаниям. — Чу Сыфэн резким движением поднялся на ноги, сжигаемый сдерживаемым гневом, и в упор посмотрел на старика.

Да, я проклятый ублюдок, заслуживающий смерти. После случившегося Сюй Хуэй и остальные пригрозили мне, а сам я превратился в убийцу. Я не смел смотреть Главе труппы в глаза. Позднее они объявили всем, будто Глава труппы Чэн уединилась из-за творческого кризиса, исчерпав свой талант, а за закрытыми дверями продолжали измываться над ней вместе со мной, пока... пока Глава труппы не умерла.

Чтобы замести следы, Сюй Хуэй велел мне купить на стороне бензин. По его приказу я запечатал все вещи Главы труппы и закопал их под кленовым деревом у детского дома «Красное сердце», куда она так любила ходить. — Старик Лю больше не мог говорить. Курительная трубка выпала из его ослабевших рук, и он забился в мучительной самоистязающей агонии. — С того самого дня я непрерывно курю, потому что не могу уснуть. Стоит мне закрыть глаза, как в памяти всплывают те дни и образ Главы труппы Чэн. Я топил совесть в курении и алкоголе, разрушая собственное тело. Я предал Главу труппы Чэн, я предал старейшину Нина...

Те четыре случая смерти — дело рук А Ци и остальных. Они мертвы, их убили я и руководитель труппы Сюй... Правда, я держал ухо востру, потому он не посмел тронуть меня.

Пожар в кабинете Сюй Хуэя тоже твоих рук дело? — спросил Чу Сыфэн.

Да. Я хотел сжечь его кабинет дотла вместе со всеми оставшимися рукописями пьес Главы труппы Чэн. Но когда в моих руках оказалась свеча, я засомневался... Ведь все эти пьесы были плодом крови и пот Главы труппы, гордостью и сокровищем прежней труппы Хунмин. В конце концов я потушил ее.

Однако он никак не ожидал, что...

Фальшивый даос, должно быть, случайно задел оставленную мной свечу, та подожгла бензин, и пламя занялось вовсю.

Знаешь, кто убил Сюй Хуэя? — Чу Сыфэн подошел к старику Лю, поднял с пола его трубку и посмотрел на него леденящим взглядом.

Понятия не имею. Но когда он испустил дух, камень, давивший на меня все эти годы, наконец рухнул. Хотя он умер слишком легко — его следовало предать мучительной казни огнем, чтобы сжечь всю его мерзость дотла.

Чу Сыфэн смотрел на старика, чье изборожденное морщинами лицо исказилось от раскаяния и боли. Слезы грешника не способны вызвать ничье сочувствие. Даже если в первый раз его и принудили, то как насчет всего остального? Неужели и потом его заставляли из раза в раз? Он изо всех сил прятал улики под землю, скрывал правду, распускал слухи, чтобы не дать покой усопшей, и распространял проклятия, лишь бы продолжать спокойно жить на этом свете.

Теперьшние слова о раскаянии вызывают лишь отвращение.

Закон воздаст по заслугам за твои злодеяния. — В черных глазах Чу Сыфэна читалась суровая решимость.

Как только Чу Сыфэн вышел из допросной, он увидел стоявшую у двери Чэнь Инь. По ее щекам текли слезы — она никак не могла поверить, что ее близкая подруга приняла столь страшную мученическую смерть от рук этих зверей.

Прошу прощения. — Чэнь Инь смахнула слезы.

Директор Чэнь, Сяо Цай ведь из вашего детского дома. Что вам известно о ней? — внезапно поинтересовался Чу Сыфэн.

Чэнь Инь кивнула, ее голос осип от плача:

Сяо Цай с малых лет росла послушной и умной девочкой. Сюэ Нин при жизни жертвовала средства нашему приюту, а после ее гибели Сюй Хуэй взял на себя эти взносы и тоже заботился о ребенке. Я всегда считала его порядочным и добрым человеком, я и подумать не могла... Это моя вина, что я упустила Сяо Цай из виду, это я ошиблась в Сюй Хуэе. Он просто законченное чудовище.

Директор Чэнь, а вам знакома Нин Сысюэ?

Услышав это имя, директор Чэнь вздрогнула. Застыв на месте, она подняла глаза на Чу Сыфэна и беззвучно зашевелила губами:

Нин Сысюэ... неужели Сюэ-эр?

Чу Сыфэн извлек из кармана мундира фотографию — снимок генерал-майора Линь Хуэя с его четвертой наложницей — и положил перед директором Чэнь.

Это Сюэ-эр... Этот ребенок после ухода из приюта оборвал все связи. Я и не думала, что она здесь, да еще и стала четвертой наложницей генерал-майора. Впрочем, так даже лучше: бедной сироте куда безопаснее устроиться так, чем скитаться в одиночку по свету. — Чэнь Инь опустила взгляд.

Простите, адъютант Чу, мне пора идти. Дети ждут меня. — Чэнь Инь справилась с эмоциями. Годы брали свое, и даже густой слой пудры и румян не мог скрыть глубоких морщин на ее лице.

Благодарю, что приехали издалека. Директор Чэнь, поставьте подпись под этим документом, и можете идти. — Чу Сыфэн позвал сотрудника, составлявшего протокол, чтобы тот принес бумаги для подписи Чэнь Инь.

Расписавшись, Чэнь Инь с покрасневшими глазами выдавила из себя горькую улыбку:

Спасибо, я пойду.

До свидания. — Чу Сыфэн забрал документ.

Проводив взглядом уходящую Чэнь Инь, Чу Сыфэн еще некоторое время смотрел на подпись в протоколе, после чего захватил папку. Сняв перчатки и прислонившись спиной к стене, он выглянул наружу — за окнами уже заходило солнце.

Ему вдруг захотелось увидеть Гу Маня. От этого дела, смердящего гнилью и мерзостью,

воротило душу.

Адъютант Чу, вы столько времени провели на ногах, отдохните немного. Остальными займемся завтра, да и расследование подходит к концу. — Не выдержал один из военных, неотлучно сопровождавший его повсюду. Увиденная правда поразила и вызвала омерзение у каждого.

Подходит к концу? Ха. — Чу Сыфэн холодно усмехнулся, оставил курительную трубку на столике у входа, приказав избавиться от нее, и покинул Полицейское управление.

Сев в автомобиль, он приказал купить сладости, чтобы угостить ими Гу Маня.

Он подумал: Гу Мань любит зеленые пирожные из маша, обрадуется ли он угощению?

Стоило Чу Сыфэну вспомнить о Гу Мане, как на душе у него немного отлегло.

Господин Чу, это же генерал-майор Линь. — окликнул его сидевший спереди водитель.

Услышав это, Чу Сыфэн проследил за направлением, указанным водителем, и заметил Линь Хуэя, стоявшего возле фонтана вместе с Гу Манем. Его сердце мгновенно подскочило к горлу.

С какой стати Линь Хуэй появился сюда один? Что он собирается сделать с Гу Манем?

<http://bllate.org/book/21790/2254005>